

А.Т. ХРОЛЕНКО | Народная филология: природа, Курск | формы, эвристические возможности

Вводится понятие народной филологии, описываются ее формы, обсуждается вопрос об исследовательской кооперации и народной филологии.

Ключевые слова: *наивная лингвистика; народная лексикография; народная лингвистика; поэтическая филология.*

Человек постигает мир в формах научного и вненаучного познания. Под вненаучным понимаются элементарные сведения о природе и окружающей действительности, которые являются и основой, и периферией науки. Существует обширная территория познания, центр которого занимает научная филология, а остальное, образно говоря, поле филологического интереса, у которого пока нет общепринятого терминологического обозначения.

Специалисты рассуждают о вненаучной, непрофессиональной, наивной, естественной, любительской и т.д. лингвистике. В зарубежной научной прозе говорят о фольклорингвистике. Каждое из этих определений в чем-то ограничено. *Вненаучная лингвистика* – это слишком обобщенное, родовое обозначение всего, что лежит вне академической науки. *Непрофессиональная лингвистика* – налицо явный оттенок ущербности. *Наивная лингвистика* – довольно распространенное определение с оттенком снисхождения. При определении *естественная лингвистика* напрашивается оппозиция, явно обидная для академической науки – *неестественная (!?) лингвистика*. *Любительская лингвистика* – здесь очевиден намек на необязательность

занятия, ограниченность по числу вовлеченных (любителей всегда немного). К тому же такой непререкаемый авторитет в филологии, как академик А.А. Зализняк, в своих публикациях, характеризуя псевдонауку, использовал словосочетание *любительская лингвистика*.

На наш взгляд, заслуживает внимания термин «народная лингвистика», которым организаторы соответствующей научной конференции определили предмет обсуждения. Прилагательное *народный* лишено отрицательной коннотации и, начиная с XIX в., активно функционировало в отечественной гуманитаристике (устное народное творчество, народное искусство, народная культура и т. п.). Полагаем, что термин может быть уточнен со стороны определяемого существительного. Поскольку сам перечень форм рассматриваемой области науки о слове явно выходит за пределы чисто лингвистической рефлексии, уместно заменить слово *лингвистика* словом *филология*. Более точным представляется термин «народная филология».

Название *наивная лингвистика* можно использовать для обозначения одной из форм народной филологии. Наивная, или естественная, лингвистика – «это нерелективирующая рефлексия говорящих, спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обы-

Хроленко Александр Тимофеевич, доктор филол. наук, профессор Курского гос. ун-та. E-mail: Khrolenko@hotmail.ru

денном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов, таких как язык, речь, слово, смысл, значение, говорить, молчать и др.» [Арутюнова 2000]. Наивная лингвистика складывается из мнений и взглядов обычных пользователей языка (не лингвистов) на язык и речевую деятельность. У термина «наивная лингвистика» есть несколько синонимических обозначений – «бытовая философия языка», «наивные взгляды на язык», «мифология языка», «наивная металингвистика».

Профессиональные диалектологи считают, что в современной народной лингвистике доминирует *народная диалектология*. Установлено, что обыденные представления носителей диалекта сводятся к нескольким предположениям: 1) этнические языки диалектно членятся, а вариант, которым пользуется данный информант, считается правильным, чистым в противовес всем остальным; 2) все варианты отличаются сложностью, причем оценка сложности у профессиональных лингвистов и носителей диалектов практически совпадает; 3) многоязычие полезно для умственного развития ребенка; 4) ценность территориального варианта повышается, как только возникает потребность жителей региона в самоидентификации.

Квинтэссенцией народной мудрости справедливо считаются поговорки – пословицы и поговорки. В них часто упоминается речевая деятельность человека и социума, язык, слово; однако рассматриваются они исключительно с прагматической, функциональной и этической стороны. Так, 450 паремий из «Пословиц русского народа» В.И. Даля характеризуют этос *Ното loquens* – человека говорящего.

В пословицах констатируются положительные и отрицательные факты использования языка:

Кто говорит – тот сеет, кто слушает – тот пожинает; Лучше не договорить, чем переговорить; За твоим языком не успеешь босиком; Кто языком штурмует, не много навоюет;

отражена вера в силу языка и могущество слова:

Язык телу якорь; Язык с Богом беседует; Слово не стрела, а пуще стрелы (разит); Язык до Киева доведет;

они содержат в себе воспитательный потенциал:

Не спеши языком, торопись делом; Горлом не возьмешь; Горлом изба не строится;

предупреждают о вреде злословия и пустословия:

От одного слова да навек ссора; Много знай, да мало бай! Много баить не подобает;

подчеркивают прагматику слова:

От приветливых слов язык не отсохнет; Кстати промолчать, что большое слово сказать; Кто говорит, что хочет, сам слышит, чего и не хочет; Слово не воробей; вылетит – не поймаешь; Говори с другим поменьше, а с собою побольше; Умей вовремя сказать, вовремя смолчать.

Народная, или ложная, этимология основывается на произвольном сближении по происхождению слов, когда в их звуковой общности отыскивается смысловая близость. Примером может служить миниатюра курского писателя М.Н. Еськова «Ямщик»:

Бабушка помогает внучке учить «Зимнюю дорогу» Пушкина. Решается спросить, а все ли внучка понимает: – Кто такой ямщик? – Ну, это мужик, который копает ямы. – Откуда ты взяла? – Ну, разве ты не слышишь, корень «ям»? – А тогда, что такое «щик»? – Ну, это – щик-щик – и яма готова.

Припоминается реплика героини рассказа И. Бунина «Руся»:

– Ох, какая гадость, недаром слово ужа происходит от ужа. Они у нас тут повсюду. И в саду, и под домом.

Название смородины возводится к идее самородности этой ягоды:

У бару, бару, у зилином саду, / Растеть ягада самародина (курская народная песня).

В свое время неожиданным оказался опрос студентов-филологов одного из пединститутков, которым предложили объяснить значения архаизмов. Опрошенные указывали, что *стряпчий* ('частный поверенный и ходатай по делам в дореволюционной России') – это повар; *пищаль* ('старинное тяжелое ружье') – это дет-

ская звуковая игрушка; *треба* ('богослужбный обряд, совершаемый по просьбе самих верующих') – это то, что требуется; *поганый* ('нехристианский') – противный; *мытарь* ('сборщик налогов в Иудее') – человек, который испытывает мытарства, страдания, мучения; *стольник* ('в Др. Руси до XVIII в. придворный, рангом ниже боярина') – это сторублевая банкнота.

Еще в середине XIX в. профессор Московского университета Ф.Л. Морошкин возвел фамилию Мартина *Лютера* к русскому прилагательному *лютый*. Многие этимологии академика Н.Я. Марра совпали с народными этимологиями дилетантов (например, имя *Глеб* связывалось со словом *хлеб*). Звуковая похожесть слов *русский* и *этруски* (древние племена, населявшие три тысячи лет назад север современной Италии, создавшие развитую цивилизацию, предшествующую римской и оказавшую на нее большое влияние) дала основание псевдочленам для генетического сближения двух этносов и далеко идущих выводов, хотя этрусский и русский языки принадлежат разным языковым семьям, тем более что у этрусского языка родственников до сих пор не обнаружено [Алпатов 2012].

Филологи РГПУ им. А.И. Герцена ввели в научный оборот термин «наивное литературоведение», которым назвали максимально обобщенное, поверхностное представление усредненной языковой личности о литературоведении, полученное не в результате специального изучения науки о литературе, а в процессе общего приобщения к культуре. Наивное литературоведение как составную часть языковой личности можно выявить с помощью свободного и направленного ассоциативного эксперимента. Выясняется, что термины литературоведения по-разному осваиваются языковой личностью. Одни воспринимаются и используются адекватно (*гипербола, ода, поэма, сатира, баллада*), другие же остаются за пределами понимания (*фабула, перифраз, лейтмотив, элегия, аллегория, сюжет, гротеск, сентенция, олицетворение* и др.) [Швец 2005; Козырев, Черняк 2007: 122–124].

Рассмотренные выше формы венаучной филологии являются знанием бесписьменным, передающимся непосредственным образом в рамках традиционной культуры. Эти формы «массовидны» и в силу этого анонимны. Однако существует ряд олитературенных форм народной филологии. К ним отнесем поэтическую филологию, теоретическую неологию, эпистолярную филологию, филологию сюжетную, наивный глоттогенез, народную лексикографию, интернет-филологию. Эти виды народной филологии возникают и существуют в письменной форме. Они, как правило, имеют своего автора, что не мешает иногда квалифицировать их как народные.

К олитературенным формам народной филологии, вне всякого сомнения, относится то, что в свое время Я.И. Гин обозначил термином «поэтическая филология». К ней исследователь отнес высказывания писателей и поэтов о языке, литературе, фольклоре. Имеются в виду поэтические признания в любви к родному языку или ставшие хрестоматийными афористические высказывания М.В. Ломоносова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и других выдающихся мастеров слова о русской речи.

Фолиант в 950 страниц «“И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!”: классики и современники о русском языке. – Антология» (М., 2013) – убедительное свидетельство тому, что поэтическая филология – весьма продуктивная форма осмысления того, что принято называть Чудом Слова. Здесь впервые собраны в наиболее полном объеме не только известные, хрестоматийные стихи И. Бунина, Н. Гумилева, А. Ахматовой, Н. Заболоцкого о слове и русском языке, но и малознакомые высказывания о русском языке поэтов, прозаиков, лингвистов и литературоведов, фольклористов, педагогов, философов, богословов. С появлением этой антологии впервые в художественный оборот и научные исследования вводится максимально полный свод стихотворений о русском языке за четыре века (XVIII–XX вв. и начало XXI в.).

В науке о языке предпринята попытка классифицировать стихотворные тексты, посвященные поэтической характеристике языка: 1) поэтически осмысливающие феномен языка и речи и их роль в жизни человека и общества (например, «Слово» Н. Гумилева, «Слово» И. Бунина, «Язык» Вяч. Иванова); 2) характеризующие конкретный язык, его историю, национально-культурное своеобразие и функциональные возможности («Русский язык» Я. Смелякова); 3) касающиеся конкретных сторон языка, его фонетики, лексики, грамматики, стилистики («Новые слова» Б. Слуцкого, «Вводные слова» А. Кушнера, «Упражнение по фонетике» Р. Рождественского и др.) [Шумарина 2013].

Думается, что само понятие поэтической филологии шире того содержания, которое вкладывал в предложенный термин его автор. К поэтической филологии можно отнести художественный опыт философского, морально-нравственного осмысления языковых категорий в поэтическом дискурсе, например анализ творчества польского поэта и острофлава Станислава Ежи Леца (1909–1966), мастера скептических морально-философских парадоксов и суждений, автора цикла афоризмов, сентенций и эпиграмм «Непричесанные мысли») (см.: [Хроленко 2013]. Писателя интересуют не классификационные характеристики грамматических категорий, а их функционально-выразительные возможности, сопутствующие поэтические ассоциации. «Филологические» сентенции Леца могут служить поводом для размышлений, стать своеобразными интеллектуальными задачами. Подумаем над ними:

Есть мысли, присущие лишь одному языку; В каждом из нас есть я, ты, он, она, оно, мы, вы, они. Но есть еще некто, кого нет ни в одной грамматике; Уточняя мысль, мы ограничиваем ее творческую свободу; Помни: и слова, которые ничего не значат, имеют значение; Есть мысли, которым никогда не оформиться в слова – даже обесмысленные; Слова – это некрологи мыслей; Свобода, равенство, братство. Как дойти до глаголов?; Я что-то не слышал, чтобы существительное «право» употребляли в ласкательной форме.

В пределах народной филологии можно рассматривать и такое явление, как *терминологическая неология*. Мы имеем в виду создаваемые поэтами неологизмы, которые претендуют на статус своеобразных авторских лингвопоэтических терминов и которые через семантическое толкование расширяют представление о языковых и поэтических явлениях, ими называемых. Вот несколько примеров из подборки Н.А. Фатеевой: *поэзия* В. Каменского; *продолжень*, *вступ* А. Кручных; *лингвопластика*, *пластилистика* А. Левина, *словарево* А. Альчука; *глаголы несовершенного времени* В. Строчкова; *деепричастное* А. Гуницкого; *видео-мы* и *поэтарх* А. Вознесенского; *тихотворенье мое немое*, *рифмо-лента*, *занятые языка*, *стихослагатели* И. Бродского. В рамках такой поэтической филологии в процессе поэтического творчества переплетаются языковые и стиховедческие явления, реализуется креативная компетенция, которая позволяет порождать новые факты языка и расширять предметную лингвистическую область поэтической речи [Фатеева 2012].

Уникальным источником идей и фактов служит *эпистолярный* – совокупность писем выдающихся филологов, писателей, философов и педагогов, всех, кто профессионально занимается словом. Из писем можно узнать то, что не всегда встретишь в публикациях того или иного автора. Со всем не случайно, что письма, казалось бы достаточно интимная область общения, составляют полноценную часть литературного, научного, культурного наследия, представлены в специальных сборниках типа «Переписка... с русскими писателями...». Большой интерес представляет переписка классиков русской литературы: Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова.

В письмах замечательного курского писателя второй половины XX столетия Е.И. Носова (1925–2002) к коллегам по литературному цеху можно найти не только добрые слова сердечного расположения к адресатам, не только радость по поводу выхода в свет новых рассказов и повестей, своих и чужих, не только горест-

ные сетования на злоключения в кабинетах руководителей издательств и журналов, не только жалобы по поводу нездоровья и благодарность за добрые слова и скромные гостинцы друзей, но и размышления о радостях и издержках литературного труда, о секретах мастерства, о тех моментах создания текста, которые ведомы только самому создателю. Так, размышляя в одном из писем о том, что обеспечивает долгожителю художественных творений, писатель делает неожиданный вывод, что большое воздействие на читателя и долговечность художественного эффекта прозы связаны с тем, обладает ли она лиризмом, элегичностью, сдержанностью, теплотой и душевностью. В письме к коллеге по литературному цеху Носов формулирует свое понимание «русскости»: «Для того чтобы писать на хорошем русском языке, не обязательно то и дело прибегать к сказоподобию. В этом твоём письме очень чувствуется поделковость, некая стилизация под “хохлому”. А надо, чтобы все было естественно, просто и через это – хорошо, поэтично» [Носов 2005: 217–218]. Так что переписка писателей и поэтов, обсуждающих вопросы литературы, языка, стиля, – это основа *эпистолярной филологии* как части народной филологии в ее «олитературенной» форме.

Информация лингвистического характера может органично включаться в художественный дискурс, когда элементом сюжета становятся филологическая деятельность персонажа произведения или его размышления о языке. Так, в романе В. Набокова «Пнин» героем повествования является филолог, которому в процессе преподавания или перевода приходится постоянно переходить с одного языка на другой, испытывая при этом значительные трудности, которые в тексте романа анализируются и объясняются:

Его взрывное «hat» («I never go in hat even in winter») отличалось от общеамериканского выговора «hot» (типичного, скажем, для обитателей Вайнделла) лишь большей краткостью и оттого более походило на немецкий глагол «hat» (имеет). Долгие «о» у него неукоснительно становились короткими:

«по» звучало просто по-итальянски, что усиливалось его манерой утраивать это простое отрицание («May I give you a lift, Mr. Pnin?» – «No-no-no, I have only two paces from here»). Он не умел (и не догадывался об этом) хоть как-то произносить долгое «у»: единственное, что он мог смастерить, когда приходилось сказать «poon», это вялую гласную немецкого «nun» («I have no classes in afternun on Tuesday. Today is Tuesday»).

В рассказе курского писателя М.Н. Еськова есть филологическое замечание рассказчика о своеобразии звука [г] на юге и севере России:

Потом в школе объяснят, что буква «г» в иных краях звучит не с нашим протяжным и мягким выдохом, а с отрывистым трубным гудом.

Эти и подобные им случаи отнесем к так называемой *сюжетной филологии*, еще одной олитературенной форме народной филологии.

Явлением народной филологии можно считать *наивный глоттогенез* – создание языков и конструирование виртуальных территорий, населенных носителями придуманных языков. Классический пример – опыт английского писателя и филолога Дж. Толкиена, автора сказочно-рыцарской эпической трилогии «Властелин колец».

На страницах журнала «Знание – сила» появилось интервью со старшеклассниками, придумавшими страну Такорию с населением, говорящим на такорийском языке. Следует подчеркнуть, что молодые люди разработали не искусственный язык типа эсперанто, облегчающий общение людей разных стран и народов, а язык, максимально похожий на складывавшееся веками естественное средство общения. В итоге придуманный такорийский язык получился индоевропейским, похожим на романские языки [Нлого такорийски 2014].

Приведем еще один пример: на одной из конференций состоялся доклад В.В. Барановой «Составление словаря и рождение нового языка» – об опыте краеведа С.М. Темняткина, который сконструировал для жителей группы деревень на реке Кадка Ярославской области (неофициаль-

ное название округа – Кацкий стан) новый – «кацкий» – язык. Созданными краеведом источниками, доказывающими существование языка, стали словарь и грамматика, выложенные автором в Интернете, а также газета «Кацкая летопись» и публикуемые в местной периодике списки кацкой лексики. Кацкий язык устанавливает и поддерживает границы автономной группы кацкарей. Создатель языка ведет активную языковую политику: организовал «Музей кацкарей», в школе и детском саду проводит занятия по кацковедению, инициирует тематические сельские праздники, сочинил гимн, одним словом, навязывает жителям деревень новую – кацкую – идентичность в противопоставлении доминирующей группе русских. По сути, представлены все признаки настоящего языка и социальные аспекты его присутствия в публичной жизни (см.: [Гулида 2013: 138]).

Фактом народной филологии можно считать *народную лексикографию*. Так, на базе интернет-ресурса в течение ряда лет собирается «Живой офисный словарь» (ЖОС), концентрирующий жаргонные слова из речи офисных работников. Пополняется он новыми словами в режиме онлайн – отсюда принципиальная характеристика словаря – «живой». Несколько примеров из ЖОС: *вонючка* – письмо с претензией, рекламация; *гена* – генеральный директор; *живопырка* – маленькая компания, у которой расходов больше, чем доходов; *пришелец* – соискатель на вакансию, пришедший на собеседование; *ругалтер* – бухгалтер, вечно недовольный; *синяк* – печатать; *утопленник* – использованный пакетик чая; *юзать* – использовать (от англ. *use*) [ЖОС].

Становятся популярными авторские словари носителей диалектов, составляемые школьными учителями, библиотекарями, журналистами.

Список форм народной филологии, представленных выше, может быть дополнен. Требуют своего обсуждения, например, такие формы интереса к языку со стороны общества, как дискуссии на языковые темы в среде непрофессиона-

лов (например, спор о реформе языка, об употреблении буквы ё, о новых словах в русском языке, об эталонных словарях и т.д.; филологические анекдоты как часть так называемых этнических анекдотов, эксплуатирующих тему этнической ментальности и особенностей национального языка как следствие своеобразия характера народа; народная эволюистика, ее формы и перспективы.

Лингвисты интуитивно понимают ценность народной филологии, ощущая ее научно-исследовательский потенциал. Эта разновидность филологии содержит в себе прототеории – зерна интересных и перспективных научных размышлений. В итоге область вненаучного познания сама становится объектом теоретического рассмотрения и основанием практического действия.

В 2012 г. в Санкт-Петербурге состоялась первая международная конференция «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык», организованная совместно Институтом лингвистических исследований РАН и Европейским университетом в Санкт-Петербурге. Большое количество участников форума и обширная география приехавших, разнообразная тематика докладов свидетельствуют об актуальности детального обсуждения многих вопросов теории и практики языковой жизни общества в представлении самого этого общества.

Программа конференции была ориентирована на такие проблемы, как фольклорная лингвистика и народная диалектология; практика составления любительских словарей; механизмы народной этимологии; отношение носителей языка к своему и другим языкам; социолингвистические дебаты в Интернете; культурные смыслы в народных представлениях о речевой коммуникации и др. Главным вопросом теории народной филологии остается вопрос, какие социальные и культурные факторы побуждают носителей языка рассуждать о языке именно так и не иначе.

Что касается практического использования итогов народной рефлексии над словом, то она начинает учитываться академической наукой: намечается коопера-

ция двух форм познания в такой сфере, как лексикография. В настоящее время обсуждается идея словаря-тезауруса бытовой терминологии русского языка с учетом языковой компетенции массового носителя языка. Оказалось, что бытовую терминологию трудно толковать, поскольку люди по-разному понимают названия самых простых предметов. Чем *фужер* отличается от *бокала* и чем *гольф* лучше *водолазки*, описать трудно, легче нарисовать. В свое время В.И. Даль так и поступил при подаче слов *шляпа* и *говядина*. Один и тот же предмет одежды в разных пунктах продажи именуется разными словами – *джерпер*, *пуловер*, *свитер*... Составитель словаря считает, что при собирании словаря-тезауруса бытовой терминологии следует использовать не только традиционные для академической лексикографии источники (художественные тексты и другие словари), но и оригинальные экспериментальные методы, например опросы носителей языка о том, как называются предметы, изображенные на картинках. Оказалось, что народное мнение важно не только при терминологическом определении конкретных предметов, но и при определении таких слов-концептов, как *верность*, *дружба* или *свобода*. Так что народная филология оказывается эвристичной во многих отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В.М. Народная лингвистика в Японии и России // «Народная лингвисти-

ка»: взгляд носителей языка на язык. – СПб., 2012.

Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке: Сб. статей. – М., 2000.

Гулида В.Б. Конференция «“Народная лингвистика”: взгляд носителей языка на язык» // Вопросы языкознания. – 2013. – № 5.

ЖОС – Живой офисный словарь [Электронный ресурс. URL: <http://www.babyblog.ru/user/Lakky82/62360> Дата обращения – 5/05/2014].

«И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!»: классики и современники о русском языке. Антология. – М., 2013.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура. – СПб., 2007.

Носов Е.И. Собр. соч.: В 5 т. – М., 2005. – Т. 5.

Фатеева Н.А. Неологизмы-термины как элементы индивидуальной «поэтической филологии»: возможности словарного представления // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2012. – Т. 71. – № 5.

Хроленко А.Т. Поэтическая филология как версия наивной лингвистики // РЯШ. – 2013. – № 6.

Швец А.В. Наивное литературоведение в лексиконе языковой личности: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2005.

Шумарина М.Р. «Ты – выше цены и расценки» (Стихотворение Я. Смелякова «Русский язык») // РЯШ. – 2013. – № 1.

Нога по-такорийски – «язык» // Знание – сила. – 2014. – № 1.